

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
25 (88)

КУЛЬТУРА
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ДРЕВНЕГО
И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО
ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1974

ЗАМЕТКИ ПО ЭПИГРАФИКЕ ПАЛЬМИРЫ

К вопросу о правовом и имущественном положении рабов в Пальмирском обществе

Среди надписей, опубликованных Х. Теихидором в 1965 г.,¹ особое внимание привлекает Inv., XI, 13, датированная сентябрем 219 г. н. э.:

[lbryk š]mh l' [lm']	[Тому, чье и]мя [благословенно] на[веки],
[tb'] wrhm[n']	[доброму] и милосердно[му],
[wt]yr' 'bd wmw[d']	[и со]страдающему, изготовил и вознес благо- дар[ность]
[h]urn tly' dy [[Ха]йран, раб [
yd' br m'y' 'l	Йаде сына Ма'айи во
hywhu why' bn'	здравие свое и во здравие сыновей
mrwhu byrh sywn	господина его, в месяц сиван,
šnt DXXX	год 530.

Для понимания этого текста наиболее существенно определить значение слова tly' — эпитет, относящийся к посвятителю. Издатель надписи, исходя из первого значения, переводит его le jeune, а следующую за ним частицу dy — qui est, в комментарии предлагает восстановление qui est supponné. Однако, с нашей точки зрения, такое истолкование неправомерно: здесь не учитывается слово mrwhu — «господина его» в строке 7, которое явно показывает, что Хайран был человеком зависимым. В связи со сказанным обращает на себя внимание тот факт, что в пальмирском пошлинном тарифе (CIS, II, 3913) рабы обозначаются термином 'lm (вариант написания: 'lum), близким по значению к tly'. По аналогии, а также учитывая сходное употребление слов pa'ar в еврейском языке² и παῖς в греческом,³ можно утверждать, что и в интересующем нас тексте слово tly' использовано в значении «раб». Соответственно строки 4—5 надписи переводятся: «Хайран, раб [X сына] Йаде сына Ма'айи».

При крайней немногочисленности документов, которые характеризовали бы правовое и имущественное положение рабов в Сирии вообще и в Пальмире в частности, надпись Inv., XI, 13 приобретает особую ценность. Она свидетельствует прежде всего, что Хайран, оставаясь рабом, имел определенные денежные средства, которые позволяли ему совершать посвящения (по описанию Х. Теихидора, алтарь, края которого в на-

¹ J. Teixidor. Inventaire des inscriptions de Palmyre, fasc. XI. Damas, 1965 (далее — Inv., XI).

² И. Ш. Шифман. Правовое положение рабов в Иудее, по данным библейской традиции. ВДИ, 1964, № 3, с. 54—80.

³ И. Д. Амусин. Термины, обозначающие рабов в эллинистическом Египте, по данным Септуагинты. ВДИ, 1952, № 3, с. 60—62.

стоящее время обломаны) популярнейшему во II—начале III в. пальмирскому божеству. Статус имущества Хайрана мы не можем пока определить, поскольку соответствующие пальмирские узаконения неизвестны. Однако, исходя из норм права, действовавших на всей территории Империи (ср. Dig., 43, 1, 22), а также талмудического (Мишна, Бава Мециа, I, 5; Недарим, 88б; Санхедрин, 91а), отражающего не только специфически иудейскую, но и общую переднеазиатскую практику, можно думать, что формально имущество раба считалось принадлежащим господину; тем не менее фактически раб мог распоряжаться им по своему усмотрению. Надпись не содержит каких-либо ссылок на волеизъявление господина; посвящение совершается только от имени и только по желанию раба.

Особое звучание в связи со сказанным приобретает формула 'l hūwḥu wḥu' bn' mṛwḥu — «во здравие свое и во здравие сыновей господина его». Очевидно, отсутствие упоминания в таком пожелании имени господина не могло быть вызвано случайным стечением обстоятельств. Тем более важно, что речь идет в данном случае о «сыновьях господина». Вероятно, те проявления покорности, которые от него как от раба требовались, Хайран по неизвестным нам причинам должен был адресовать не своему господину, а его детям. При этом последние не именуются его господами, вероятно, потому, что рабство в Пальмире предполагало личную зависимость только от домовладыки, но отнюдь не от членов его семьи. Зависимость от последних возникла при прямом отчуждении в их пользу, либо при наследовании.

«Тот, чье имя благословенно навеки»

Фигура так называемого «безымянного бога» пальмирских надписей — «того, чье имя благословенно навеки» — уже давно привлекает к себе внимание. В научно-исследовательской литературе делались попытки установить его тождественность тем или иным божествам пальмирского пантеона, установить близость данной формулы библейским евлогиям и соответственно постулировать влияние иудаизма и христианства на духовную жизнь пальмирского общества. Так, А. Сеириг отмечал близость некоторых характерных черт культа Ба'алшамена и «безымянного бога», говоря и о сосуществовании в течение длительного времени обоих культов, и о некоторых расхождениях в обрядности. По его мнению, «безымянный бог» — это либо сам Ба'алшамен, либо божество, близкое по функциям, представления о котором выросли из мифов о Ба'алшамене или сформировались по образцу последних. А. Сеириг пишет и об иудейском влиянии на культ «безымянного бога», и о воздействии на него философских воззрений эпохи.⁴ О. Эйсфельдт пытался доказать, что «безымянный бог» идентичен Ба'алшамену и что религиозная реформа в Пальмире в первой трети II в. н. э. привела к следующему: Ба'алшамен утратил свое имя и стал почитаться как «тот, чье имя благословенно навеки»; главная характеристическая черта этого движения, по предположению О. Эйсфельдта, — желание, возникшее из «монотеистического чувства», заменить богов, почитавшихся в Пальмире ранее, единственным и потому безымянным богом.⁵ И. Хофтэйзер выделяет характеристику «того, чье имя благословенно навеки», как космического божества; он склонен проявлять некоторую осторожность в отождествлении «безымянного бога» с Ба'алшаменом, подчеркивая сосуществование обоих культов в течение длительного вре-

⁴ Н. S e y r i g. Antiquités syriennes, 13. Le culte de Bêl et de Baalshamîn. Syria, vol. 14, 1933, p. 248—252.

⁵ О. E i s s f e l d t. Tempel und Kulte syrischer Städte in hellenistisch-römischer Zeit. Leipzig, 1941, S. 90—92. Ср.: М. G a w l i k o w s k i. Nouvelles inscriptions du Camp de Dioclétien. Syria, vol. 47, 1970 (далее — Gaw.), p. 313—325.

мени; в культе «безымянного бога» он отмечает тенденцию к монотеизму, но и в этом случае предостерегает от чрезмерно поспешных выводов.⁶

Наиболее раннее упоминание «безымянного бога» содержится в надписи CIS, II, 3992, которая датируется 103 г. н. э. Однако это обстоятельство не дает оснований относить появление данного культа именно ко II в.: аргументы *ex silentio* в подобных ситуациях не могут быть признаны удовлетворительными. Использование в CIS, II, 3992 формулы «тот, чье имя благословенно навеки» предполагает ее более или менее длительное предшествующее бытование в качестве обозначения божества. Иначе говоря, кажется наиболее правдоподобным, что культ «безымянного бога» существовал в Пальмире уже в I в. н. э., во всяком случае во второй его половине.

До нас дошли 132 надписи, бесспорно содержащие посвящения «безымянному богу», из них в 211 случаях (см. приложение I) он обозначается формулой *bryk šmh l'im'*. Она употребляется либо как законченное предложение без видимой связи с остальным текстом и в этом положении как своего рода заголовок и одновременно евлогия (54 случая): «благословенно имя его навеки», либо с предлогом для того, чтобы указать адресата посвящения: *lbryk šmh l'im'* — «тому, чье имя благословенно навеки» (62 случая), *qdm bryk šmh l'im'* — «перед тем, чье имя благословенно навеки» (3 случая).

По природе эта формула представляет собой описательное обозначение божества, близкое типологически к *b'lsmn* — «хозяин неба», *mlqrt* — «царь города» и т. п. Оно должно было заменить табуированное имя бога (если предположить, что таковое реально существовало и что перед нами не обозначение бога вообще). Как показывает приложение I, эпитеты, прилагавшиеся к «безымянному богу», легко могли стать его прямыми обозначениями.

В литературе уже отмечалась близость этой формулы к тексту Пс., 72, 19: *abārūk šēm kēbōdō l'ē'olām* — «и благословенно славное имя его навеки», и был сделан вывод, согласно которому интересующее нас выражение могло быть включено в пальмирский формуляр только людьми, знакомыми с библейской литературой.⁷ Об иудейском влиянии говорит и Ж.-Б. Шабо (комментарий к CIS, II, 3992, где он указывает в качестве параллелей Пс., 113, 2; Дан., 2, 20 и другие тексты, в том числе и надпись RES, 417: *bryk šmh l'wlm'* — «благословенно имя его навеки»). С нашей точки зрения, материала для подобного рода умозаключений недостаточно. Понятие «благословения» известно пальмирским надписям и вне прямой связи с иудейской религией, и вне формул, близких к иудейским. Так, в CIS, II, 3976: *lgd' dy 'un' brykt'* — «Гадде источника благословенного» (имеется в виду источник Эфка). От благословения объекту, которому покровительствует божество, до благословения божеству — дистанция невелика. Аналогия с библейскими псалмами свидетельствует, на наш взгляд, только об одном: интересующее нас здесь описательное обозначение божества восходит к молитвенным обращениям к тому богу, который во II—III вв. почитался в облике «безымянного». В этом случае заслуживала бы внимания близость молитвенных формул иудаизма и пальмирского «язычества», обусловленная общностью происхождения от переднеазиатской религиозной обрядности.

Все остальные наименования бога, приведенные в приложении I, точно соответствуют эпитетам, которыми в других текстах обозначены качества бога (приложение II). Из них наиболее распространена (49 случаев) формула *lb' wrhmn'* — «добрый и милосердный» (возможен и обрат-

⁶ J. Hoffijzer. *Religio aramaica*. Leiden, 1968, S. 38—40.

⁷ H. Seyrig. *Le culte*, p. 249.

ный порядок эпитетов). В одном случае, указанном в приложении II (CIS, II, 3998), бог именуется, по-видимому, «владыкой всего, добрым и милосердным». Из этих качеств первое место занимает «милосердие». Как мы пытались показать в другом месте,⁸ термин *ghm* — «друг», этимологически близкий к *ghmn'* интересующих нас надписей, использовался как эквивалент термина «патрон». Исходя из этого, можно было бы предположить, что слово *ghmn'* в надписях, посвященных «безымянному богу» (как и вообще в посвященных надписях), имеет специфический оттенок: посвяtitель хочет подчеркнуть, что бог является его патроном и, следовательно, защитником во всех жизненных ситуациях.

В трех случаях к этим эпитетам в различных сочетаниях прибавлено слово *skr'* — «воздающий» (Inv., XI, II; CIS, II, 4014; Inv., XI, 38). Сравнительная малочисленность надписей с подобной характеристикой «безымянного бога» едва ли объясняется случайным стечением обстоятельств. Видимо, представления о посмертном или прижизненном воздаянии человеку за его деяния с образом «того, чье имя благословенно навеки», почти не связывалось; лишь в III в. н. э., к которому относятся две первые надписи (датировка третьей неизвестна), наблюдаются единичные попытки приписать ему и это качество.

В 15 надписях (см. приложения I и II) встречается эпитет *tyr'* — «сострадающий», из них датированы 10 надписей, причем наиболее ранняя (Inv. XI, 13) — 219 г., а самая поздняя (Inv., XI, 20) — 263 г. Такая концентрированность надписей с эпитетом *tyr'* также, по всей видимости, не случайна и объясняется тем, что первая половина и середина III в. н. э. были периодом острых социальных конфликтов, в том числе и в Сирии. Не исключено, что здесь нашло свое отражение и восходящее к Посидонию учение о всемирной симпатии (т. е. сострадании), под чем понималось представление о мире как о едином и цельном организме, все части которого взаимосвязаны между собой и который управляется божеством.⁹

Как показывают формулы приложения III, взаимоотношения между богом и людьми мыслились по следующей схеме: они «взывают» к нему, т. е. обращаются со своими молитвами, а он «отвечает» им, т. е. выполняет их желания. Аналогично данным формулам можно обнаружить в многочисленных карфагенских посвящениях Тиннит и Ба'алхаммону («услышал голос мой, благословил меня») и в восходящей также к древней переднеазиатской обрядности иудейской молитве «Шемоне эсре»: «Услышь голос наш, господь бог наш, сжался и умилосердись над нами, и прими милость и благосклонно молитву нашу, ибо ты — бог, внимающий молитвам и молениям». Очевидно, и финикийско-пунийские, и иудейская, и пальмирские формулы восходят к общей для всех переднеазиатской религиозной традиции.

Каково происхождение «безымянного бога»? В двуязычных надписях из Пальмиры арамейскому *lbruk šmh l'im'* соответствует греческое $\Delta\iota\ \acute{\upsilon}\phi\acute{\iota}\sigma\tau\omega\iota\ \kappa\alpha\iota\ \acute{\upsilon}\pi\eta\kappa\omega\sigma\iota\omega\iota$ (CIS, II, 3994, 3998, 4032, 4066; Inv., VI, 8; вероятно, CIS, II, 4003). Эта параллель бесспорно свидетельствует, что в сознании верующих «безымянный бог» был идентичен Зевсу и, следовательно, был главою местного пантеона. Как известно, Зевс в пальмирском сонме богов отождествлялся с Белом (впрочем, в двух случаях — Inv., IX, 25 и X, 24 мы встречаем только $\tau\omicron\upsilon\ \beta\eta\lambda\omicron\upsilon$). В надписи Inv., IX, 196 (193 г. н. э.) читаем: $[\acute{\alpha}]ρχ\iota\epsilon\rho\epsilon\delta\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \sigma\upsilon\lambda\eta\pi\omicron\sigma\iota\acute{\alpha}\rho\chi\iota\eta\varsigma\ \iota\epsilon\rho\epsilon\omega\upsilon\ \mu\epsilon\gamma\acute{\iota}\sigma\tau\omicron\upsilon\ \theta\epsilon\omicron\upsilon\ \Delta\iota\delta\varsigma\ \beta\eta\lambda[\omicron\upsilon]$, чему в пальмирском тексте закономерно соответствует:

⁸ И. Ш. Ш и ф м а н. Пальмирские Септимии, потомки Цепперы (из истории общественных отношений в Пальмире конца II—первой половины III в. н. э.). Эпиграфика Востока, XX, 1974, с. 37—45.

⁹ Ср.: Ф. Ф. З е л и н с к и й. Религия эллинизма. Пб., 1922, с. 116—117.

bmrzhwth dy kmr' dy bl]. Формуляр греческой части данной надписи подтверждает восстановление Ж. Кантино в надписи Inv., IX, 20 (56 г. до н. э.): *ἱερεὺς θεοῦ μεγίστου Διὸς Βήλου*; в параллельном арамейском тексте: [k]mry' dy bl. Наконец, в большой надписи в честь Септимия Ворода, где сохранилась только греческая часть (в арамейской сохранились только слово *qrstš*=*κράτιστος* в первой строке и отдельные знаки во второй-четвертой) (Inv., III, 7; 266 г.): *καὶ νυνεὶ λαμπρῶς συμποσίαρχον τῶν τοῦ θεοῦ Διὸς Βήλου ἱερέων*. Таким образом, если реконструкция надписи Inv., IX, 20 правильна (она, с нашей точки зрения, сомнений не вызывает), идентификация Зевса и Бела в Пальмире имела место по крайней мере в I—III вв., т. е. в течение всего того времени, когда в Пальмире существовал культ «того, чье имя благословенно навеки». Однако наряду с этим Зевс в пальмирском пантеоне отождествлялся и с Ба'алшаменом. Так, в CIS, II, 3959, составленной вскоре после посещения Пальмиры императором Адрианом, т. е. в 30-х годах II в. н. э.: *καὶ τὸν ναὸν τὸν [τοῦ] Διὸς τὸν πῶ(κ) προναίω(κ)*, соответственно в арамейском тексте: *wbn' hykl' wrn'y [n wtš]lyth klh mn kysh lb'šmn* — «и построил храм, и пронаосы, и все украшения их на свои средства Ба'алшамену». Таким образом, культ «безымянного бога» мог восходить и к почитанию Бела, и к почитанию Ба'алшамена, но мог возникнуть и независимо от того и другого (показательно в этой связи «равноправие» в пальмирском пантеоне независимых друг от друга Бела и Ба'алшамена).

Эпитет «бог добрый» ('lh' 'tb') в пальмирских надписях применялся к Малакболу, Гаду Таймай и 'Атар'ате (CIS, II, 3927; 140 г. н. э.), к Шамшу, Аллат и Рахиму (CIS, II, 3955; 129 г. н. э.; ср. CIS, II, 3979), к Шадрафе (CIS, II, 3972; 55 г. н. э., а также Inv., X, 145; I в. н. э.) и Ду'анат (Inv., X, 145; I в. н. э.). Характеристика «бог добрый и воздающий» ('lh' 'tb' wskr') относится к Шай' ал-Кауму (CIS, II, 3973; 132 г. н. э.) и Ба'алшамену (CIS, II, 3983; 67 г. н. э.; Inv., I, 5; 67 г. н. э.). В роли «бога доброго и милосердного» ('lh' 'tb' wrhmn') фигурирует 'Азизу (CIS, II, 3974; 113 г. н. э.), а «великим и милосердным» (rb' wrhmn') именуют Ба'алшамена (CIS, II, 3988; после 89 г. н. э.; Inv., VI, 4). Таким образом, указанные в приложениях I и II обозначения и эпитеты не обязательно восходят к культу одного какого-либо божества, в том числе и Ба'алшамена. Скорее они отражают общее представление о божестве, характерное для интересующей нас эпохи.

Единственный достоверный результат, к которому приводят все рассмотренные выше материалы, заключается в следующем: культ «того, чье имя благословенно навеки», возник не позже начала II в. н. э., с ним примерно тогда же начинают связываться характеристики, в той или иной форме относившиеся к другим божествам. В сознании верующих «безымянный бог» рано отождествился с Зевсом, т. е. занял место верховного божества рядом с общесирийским Хададом и пальмирскими Белом и Ба'алшаменом. Именно поэтому он в одном случае фигурирует как «владыка всего» (mr' kl) (CIS, II, 3998; 132 г. н. э.), а в другом (CIS, II, 4047; 256 г. н. э.) к нему зывают «на море и на суше» (bym' whybs'). В этой ситуации «безымянный бог» близок к Ба'алшамену, который также назван «владыкой мира» (mr' 'lm') (CIS, II, 3986, 114 г. н. э.), а также анонимному «владыке мира» (mr' 'lm') (CIS, II, 3989 (235 г. н. э.) и 3990; Gaw., 2); впрочем, возможно, что последний тождествен «безымянному богу». По-видимому, греческие посвящения *Διὶ ὑψίστω(κ) καὶ ἐπικρῶ(κ)*, опубликованные А. Сеиргом,¹⁰ также адресованы «тому, чье имя благословенно навеки»; идентичность этих фигур отмечена автором публи-

¹⁰ H. Seyrig. *Antiquités syriennes*, 14. Nouveaux monuments palmyréniens des cultes de Bêl et de Baalshamin. Syria, vol. 14, 1933. p. 263—264.

кации. В одном случае¹¹ «безымянный бог» назван единственным (ἐνὶ μόνῳ) ἑλεῖρῳ θεῷ — «одному-единственному милосердному богу»), однако здесь контекст позволяет думать, что речь идет о данном боге не как о *единственном боге*, но как о *единственно милосердном боге* в отличие от остальных. Известны надписи, где он фигурирует вместе с «двумя святыми братьями», которым также совершаются посвящения (CIS, II, 4001 и 4002); иначе говоря, подобно Белу и Ба'алшамену, «безымянный бог» возглавляет триаду (верховный бог, а также боги солнца и луны; ср. CIS, II, 3981, датируемую 188 г. н. э., где посвящение совершается одновременно «милосердному, доброму и сострадающему», а также 'Аглиболу и Малакбелу — членам триады Ба'алшамена), следовательно, видеть в его почитании некую тенденцию к монотеизму не приходится. Если она в данном культе на каком-то этапе его развития и имела место, то под влиянием собственно пальмирской традиции она сходит на нет, и «тот, чье имя благословенно навеки», приобретает облик типично пальмирского божества.

Возникновение и развитие культа «безымянного бога», бесспорно, свидетельствует о серьезном духовном кризисе пальмирского общества, об отказе от древней местной традиции и о поисках новых религиозных концепций. Едва ли случайным стечением обстоятельств можно объяснить тот факт, что эпитеты, характеризующие отношение бога к человеку, группируются, судя по дошедшим до нас письменным памятникам, главным образом вокруг «безымянного бога».

Бросается в глаза близость этого культа к иудаистскому представлению о боге, как оно сформировалось, судя по данным Библии, еще в первой половине I тыс. до н. э. (ср., например, Втор., 4, 39; Пс., 89, 12; Исх., 34, 6—7) в обстановке острых социальных конфликтов и духовных исканий и отразилось в «Шемоне эсре», свой нынешний облик принявшем в последней трети I в. н. э.¹² Эпитет ὁψιστος, возможно, свидетельствует о том, что почитание «того, чье имя благословенно навеки», приобрело характер космической религии;¹³ тогда можно было бы думать, что оно развивалось в атмосфере вульгаризованного стоицизма (достаточно напомнить, что создатель стоицизма и многие его ведущие последователи были выходцами из стран переднеазиатского Средиземноморья; особенно важно, что божество стойков сохраняло имя Зевса), неоплатонизма и гностицизма. Время, когда засвидетельствован культ «безымянного бога», было временем интенсивного распространения христианства и митраизма. Едва ли можно говорить о прямом влиянии на культ «безымянного бога» тех или иных учений или концепций, однако несомненно, что он вообрал в себя ту совокупность идей и представлений, которая исторически развивалась в эпоху принципата. Однако в той форме, в какой он засвидетельствован дошедшими до нас текстами, — как почитание «того, чье имя благословенно навеки», — за пределами Пальмиры он не получил распространения.

Приложение I. Обозначение божества

Ibryk smh l 'lm' — «тому, чье имя благословенно навеки»

CIS, II, 3992 — 103; * 3993 — 111; 3994 — 114; 3995 — 115; 3996 — 125; 3997 — 129; 3998 — 123; 3999 — 136; 4000 — 143; 4001 — 161; 4002 — II в; 4006 — 178; 4008, 4009 — 191; 4010; 4012 — 203; 4013 — 205; 4016 — 212; 4017 — 216; 4021 —

¹¹ Ibid., p. 269—275.

¹² E. Schürer. Geschichte des Jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi, Bd. 2. Leipzig, 1898, S. 462—463.

¹³ Ср.: F. Cumont. Die orientalischen Religionen im Römischen Heidentum. Berlin, 1914, S. 149.

* Цифры, выделенные курсивом, обозначают дату.

211; 4022 — 225; 4027 — 230; 4031 — 233; 4033 — 236; 4039 — 240; 4043 — 248; 4045 — 249; 4046 — 253; 4049 — 256; 4058; 4061 — 4063; 4065; 4067; 4069; 4071 — 4074; 4080; 4084 — 4086; 4089; 4095; 4106.

Inv., VI, 4; IX, 2 — 137; XI, 4 — 139; XI, 5 — 165; XI, 6 — 182; XI, 7 — 8; XI, 20 — 263; XI, 22; XI, 23 — 189; XI, 24; XI, 34; XI, 39; XI, 42.

qdm bryk šmh l'lm' — «перед тем, чье имя благословенно навеки»

CIS, II, 3998 — 132; 4004 — 176.

Inv., XI, 28.

bryk šmh l'lm' — «благословенно имя его навеки»

CIS, II, 4005 — 179; 4007 — 190; 4011 — 199 — 208; 4020 — 220; 4024 — 228; 4026 — 229; 4029 — 231; 4031 — 232; 4032 — 235; 4033, 4035 — 238; 4036, 4038 — 240; 4041 — 245; 4042 — 247; 4044 — 249; 4047 — 256; 4050 — 261; 4054 — 4057; 4059; 4064; 4066 — 179; 4067; 4070; 4075 — 4079; 4081 — 4084; 4107.

Inv., XI, 1 — 235; XI, 9; XI, 13 — 219; XI, 14 — 221; XI, 15 — 239; XI, 16 — 217; XI, 17, 19 — 256/7; XI, 27; XI, 29 — 32; XI, 36; XI, 38; XI, 40.

bryk šmh drh[mn' t]b' — «благословенно имя его, который милосер[ден, до]бр»

CIS, II, 4018 — 219.

lrhmn' — «милосердному»

CIS, II, 4025 — 227.

Inv., XI, 21 — 227.

bryk šmh dy rhmn' t'b' wtyr' — «благословенно имя его, милосердного, доброго и сострадающего»

CIS, II, 4028 — 231.

lrhmn' t'b' wtyr' — «милосердному, доброму и сострадающему»

CIS, II, 4051 — 262.

'lh' t'b' — «бог добрый»

CIS, II, 4053 — 268.

[lb]ryk šmh wmlk[w]hy — «[тому, чье] имя [б]лагословенно, и посла[н]цу (?) его»

CIS, II, 4060.

lbryk šmh — «тому, чье имя благословенно»

CIS, II, 4088.

lrhmn' t'b' — «милосердному, доброму»

CIS, II, 4092, 4093, 4099.

Inv., XI, 26.

[lr]hmn' wl'[lh']t'b' wskr' — «[ми]лосердному, и бо[гу] доброму и воздающе[му]»

Inv., XI, 11 — 213.

Приложение II. Эпитеты божества

t'b' wrhmn' — «доброму и милосердному» (варианты: lrhmn' t'b'; t'b' wlrhmn')

CIS, II, 3993 — 111; 3996 — 125; 4001 — 161; 4007 — 190; 4009 — 191; 4011 — 199 — 208; 4014 — 207; 4016 — 212; 4017 — 216; 4018 — 219; 4020 — 220; 4021 — 221; 4022 — 225; 4023 — 226; 4027 — 230; 4030 — 232; 4032 — 235; 4033 — 236; 4034 — 238; 4036, 4039 — 240; 4045 — 249; 4047 — 256; 4050 — 261; 4056 — 4058; 4064; 4066; 4068; 4072; 4073; 4075; 4077 — 4080; 4082; 4085.

Inv., VI, 9 — 235; IX, 8, 9; XI, 16 — 219; XI, 19 — 256/7; XI, 30; IX, 36; XI, 39; XI, 40.

mr' kl [t'b' wrhmn'] — «владыке всего, [доброму и сострадающему]»

CIS, II, 3998 — 132.

'lh' t]b' — «добро[му] бо[гу]»

CIS, II, 4004 — 176.

'lh' t'b' wskr' — «богу доброму и воздающему»

CIS, II, 4014 — 205.

rhmn' t'b' wtyr' — «милосердному, доброму и сострадающему» (вариант t'b' wrh[mn] [tyr'])

CIS, II, 4028 — 231; 4038 — 240; 4041 — 245; 4042 — 247; 4046 — 253; 4051 — 262; 4059; 4076.

Inv., XI, 13 — 219; XI, 20 — 263; XI, 27; XI, 29.

ṭb' — «доброму»

CIS, II, 4044 — 249; 4069; 4081; 4096.

rḥmn' wḥnn' wtyg' — «милосердному, милостивому и сострадающему»

CIS, II, 4084,

rḥmn' — «милосердному»

CIS, II, 4088.

Inv., XI, 1 — 235; XI, 17 — 246/7; XI, 31.

ṭb' wrḥmn' wskr' — «доброму, и милосердному, и воздающему»

Inv., XI, 38.

Приложение III. Формулы обращения к божеству

qrh w'nyhy — «взывал к нему, и он отвечал ему» (варианты: qrlh w'nh, qrwlh w'nwnn)

CIS, II, 4046 — 253; 4051 — 262; 4083—4085; 4092; 4099.

Inv., XI, 16 — 219; XI, 17 — 246/7; XI, 19 — 256/7; XI, 26.

qrh bym' whybš' w'nh b[kl] dy qrh — «взывал к нему на море и на суше, и он отвечал во [всем], относительно чего взывал он»

CIS, II, 4047—256.

qrw lh l'lh' w'nwnn ṭb' — «взывали к нему, к богу, и он отвечал им, добрый»

CIS, II, 4053 — 268.

'nh'[w]'bwh w'h — «отвечал ей, и отцу ее, и брату ее»

CIS, II, 4067.

wšm' bqlh — «и услышал голос ее»

CIS, II, 4080.

qrw lrḥmn' w'nwnn — «взывали к милосердному, и он отвечал им»

Inv., XI, 1 — 235.

q[rh w]'ynh w'dn'h — «в[зывал к нему, и] он отвечал ему, и приблизил его»

Inv., XI, 11 — 213.

I. Schiffmann

MISCELLANEA EPIGRAPHICA PALMYRENA

In the first note the author proposes to interpret the word *ily'* in the Inv., XI, 13 as «the slave». In the second note the author deals with the problem of the «Anonymous God». The cult of this god must have been introduced in Palmyra in the I cent. A. D. The religion of the «Anonymous God» was quite independent from the cults of Bēl and Ba'alshamēn; as a Master of the World he was identified with Zeus. This cosmic religion must have been evolved in the atmosphere of a vulgarised stoicism.
